

УДК 271.2

DOI: <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2024-46-207-226>

А. В. Печерин

ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ ЦЕРКОВНЫХ СТАРОСТ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1918–1961 гг.)

Аннотация. В статье исследуется изменение социокультурных характеристик института церковных старост на Урале в советский период (от первых после-революционных лет до начала 1960-х гг.). Рассматриваются зарождение института церковных старост и круг их обязанностей. Описывается ряд документов, регламентировавших их участие в жизни прихода. Анализируются постановления Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., сформировавшие церковные практики, и тенденции, которые легли в основу нового приходского устройства. Подробно исследуется влияние на церковных старост и положение их на приходе постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (1929 г.) и других современных ему нормативных актов. Отмечается тот факт, что гонения на Церковь в 30-е гг. XX в. сократили группу церковных старост до исторического минимума, однако при этом Большой террор 1937–1938 гг. на Урале не коснулся старост в той мере, как духовенства. Улучшение государственно-конфессиональных отношений анализируется на основе принятого в 1945 г. «Положения об управлении Русской Православной Церкви», где определялась роль церковного старосты, как помощника настоятеля в управлении приходом. Приводится ряд воспоминаний о деятельности церковных старост в 40–50-е гг. XX в. (до приходской реформы 1961 г.). На основании комплексного анализа источников — регистрационных анкет старост, воспоминаний родственников и мемуаров священнослужителей — делается вывод о вхождении в число церковных старост представителей приходского актива. В статье подробно анализируется возраст старост, делается вывод о его постепенном увеличении. Прослеживается изменение гендерных характеристик группы старост, выразившееся в постепенном приходе на эту церковную должность женщин и закреплении их на большинстве приходов. На основе делопроизводственных документов областных уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви проводится анализ жалоб и конфликтных ситуаций на приходах с участием старост.

Ключевые слова: *Церковь на Урале, церковный староста, постановление «О религиозных объединениях» 1929 г., «Положение об управлении Русской Православной Церкви» 1945 г., социокультурный портрет, приходская жизнь*

А. В. Печерин

Для цитирования: Печерин А. В. Штрихи к социальному портрету церковных старост в советский период (1918–1961 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2024. № 46. С. 207–226. DOI: <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2024-46-207-226>

Сведения об авторе: Печерин Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры церковной истории и филологии Екатеринбургской духовной семинарии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1456-6905> (Российская Федерация, г. Екатеринбург). E-mail: epds_arhiv@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2023

Принята к публикации 22.05.2024

Положение церковных старост до 1945 г.

Организация церковной общины исторична и берет свое начало с апостольских времен. Она имеет определенную структуру, но значение ее элементов меняется в различные периоды. Для Русской Православной Церкви в организации жизни общины традиционно большое значение имел церковный староста, заведовавший имуществом, решавший хозяйственные вопросы бытия церковной общины и являвшийся одной из ключевых фигур в приходской жизни.

Наиболее подробно роль церковных старост в приходской жизни Российской империи исследуется в монографии д. и. н. А. Л. Беглова «Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы»¹. История возникновения и развития института старост в синодальную эпоху в данной работе затрагивается в том объеме, который необходим для его описания в советский период.

В Русской Церкви досинодального периода институт церковных старост не имел широкого распространения, функции церковного старосты в большинстве храмов выполняли диаконы и ктиторы². Впервые должность церковного старосты на законодательном уровне была закреплена в императорском указе 1718 г., который требовал избрания старосты на каждом из приходо-в: «...церк-вам иметь старост»³.

¹ Беглов А. Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: автореф. дисс. ... д. и. н. М., 2019. 45 с.

² Пулькин М. В. Церковные старосты: круг забот и обязанностей в XVIII — начале XX вв. (по материалам Олонецкой епархии) // Studia Humanitatis. 2021. № 3. С. 1–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tserkovnye-starosty-krug-zabot-i-obyazannostey-v-xviii-nachale-hh-vv-po-materialam-olonetskoj-eparhii> (дата обращения: 28.04.2023).

³ Именной указ «Об определении священников при церквах на праздные места, о распределении к приходским церквам дворов и о небытии домовым церквам» // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5. № 3171. С. 545–546.

Штрихи к социальному портрету церковных старост в советский период...

В обязанности старосты входило приобретение свечей и хранение церковных денег; совместно с причтом церковный староста вел приходно-расходные книги, занимался приобретением всего необходимого для храма. Со временем в его компетенции вошло решение строительных вопросов. Точная формулировка должностных обязанностей старосты была прописана в инструкциях 1808 и 1890 гг.⁴

Одной из характерных черт института старост, сложившегося в первой половине XVIII в., была выборность. Староста избирался на три года; по окончании этого срока, в случае успешного исполнения своих обязанностей, он мог быть переизбран⁵. При вступлении в должность староста приносил присягу по установленной форме. В 58 пунктах инструкции 1890 г. обязанности старосты были описаны наиболее подробно — содержались даже указания относительно личности кандидата на должность: «...староста должен быть лицом, известным приходу своим христианским благочестием и преданностью православно́й вере». Эту должность не могли занимать не бывающие у исповеди и причастия либо состоявшие под следствием или судом, а также гражданские должностные лица⁶. Для старост существовал половозрастной ценз: в их число избирались мужчины, достигшие 25-летнего возраста. Правда, есть свидетельства, что в дальнейшем стали появляться исключения. Так, мать известного писателя Николая Лескова Мария Петровна, согласно его автобиографическому рассказу, была избрана «старостихою» на приходе⁷.

Жалования старосты в тот период чаще всего не получали. В большинстве случаев они и не нуждались в этом, так как избирались из среды обеспеченных людей, но при этом одаривались государством значительными налоговыми льготами и иными привилегиями. Каждый староста во время совершения церковных служб должен был находиться вместе со священником и псаломщиком в церкви. Этот факт для многих уважаемых, обеспеченных, но обремененных мирскими заботами людей становился серьезным препятствием для вступления в должность церковного старосты.

Деятельность церковных старост регламентировалась указанными документами вплоть до появления определений Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.

⁴ Инструкция церковным старостам (высочайше утвержденная 17 апреля 1808 года) и последовавшие с того времени законоположения, относящиеся к обязанностям их, с приложением положений о приходских попечительствах и церковных братствах / *сост. прот. И. Чижевский*. Харьков, 1883. 111 с.

⁵ *Матвеева Е. С., Кузнецова Е. В.* Становление института церковных старост в иерархии Русской Православной Церкви (на материалах Орловской губернии XVIII — начала XX века) // *История: факты и символы*. 2021. № 2 (27). С. 127–136.

⁶ *Лозинский Р. Р.* Пастырь на приходе (вопросы пастырской практики). 1934–1974: Ивангород-Тула. Ярославль, 2011. С. 198.

⁷ *Лесков Н. С.* Легенды. Легендарные характеры. Сказки и рассказы. Обозрения. М., 2010. С. 534.

Согласно принятому 7/20 апреля 1918 г. на Поместном Соборе приходскому уставу, «управление приходом совершается, под руководством епархиального архиерея, настоятелем прихода, совместно с другими членами причта и церковным старостой и при участии прихожан»⁸.

На практике это реализовывалось следующим образом. Церковный староста занимался вопросами, связанными с храмовым имуществом (приобретение, хранение и использование). Вопросы, связанные со строительством, содержанием прихода и его ремонтом были выведены из обязанностей церковного старосты и возлагались на приходские собрания, которые должны были собираться не реже двух раз в год. Собрания решали и вопросы, связанные с назначением оклада храмовому причту. Церковный староста так же, как и до революции мог получать оклад. Согласно уставу, должность старосты теперь могли занимать женщины.

Таким образом, на Поместном Соборе 1917–1918 гг. наметились тенденции: с одной стороны, к возрастающему значению мирян в приходском управлении, с другой — к ограничению некоторых полномочий церковного старосты и передачи их коллегиальному органу. Статус старосты был понижен от попечителя и ктитора храма к своего рода завхозу и помощнику настоятеля по бытовым вопросам в период между заседаниями церковного совета. Приходское собрание могло переизбрать старосту или снять с занимаемой должности.

Положения принятого на Поместном Соборе 1917–1918 гг. устава вошли в практику и на первых порах вызвали определенный подъем приходской жизни⁹. Со временем, однако, ввиду усиления антицерковной политики советского государства, осуществление приходской деятельности в формах, которые определялись документами Собора, оказалось осложнено. Постановлением ВЦИК «О религиозных объединениях» от 1929 г. любое общее собрание прихожан должно было согласовываться с органами власти, что ограничивало активное участие мирян в приходской жизни. Роль старост при этом стала претерпевать изменения.

Согласно постановлению ВЦИК «О религиозных объединениях» 1929 г., в каждом зарегистрированном религиозном обществе организовывался исполнительный орган. В православных приходах в его состав входили: староста, его заместитель и казначей¹⁰. К обязанностям старосты относились управление и пользование церковным имуществом и внешнее представительство. Согласно постановлению, вопросы, связанные с наймом сторожей, поставкой дров для

⁸ Цит. по: *Дестивель И., свящ.* Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М., 2008. С. 165.

⁹ *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: дисс. ... д. и. н. М., 2019. С. 940.

¹⁰ *Дестивель И., свящ.* Поместный Собор Российской Православной Церкви... С. 235.

отопления, ремонтом и приобретением имущества выполнялись «отдельными гражданами, состоящими членами исполнительных органов религиозных обществ» (п. 11), в исполнительном органе православного прихода данные функции имел не казначей и не заместитель старосты, а именно староста.

Справедливости ради нужно отметить, что церковный староста никак не фигурировал в постановлении. Исходя из анализа документов уральских архивов, можно предположить, что его участие в составе руководства исполнительного органа не было повсеместным. В ряде документов об открытии приходов на территории современной Курганской области (1942–1948 гг.) должность церковного старосты не фигурирует вообще. Роль представителя исполнительного органа по связям со светской властью там исполнял председатель церковного совета, который подписывал документы, подавал уполномоченному списки членов церковного совета и верующих.

Распространенным среди исследователей считается мнение, что церковный староста и другие члены исполнительного комитета утверждались властями¹¹, но на основании исследования документов Уральского региона можно не согласиться с категоричностью такого утверждения. Представители райисполкомов и горсоветов по законодательству от 1929 г. только давали разрешение на проведения общих собраний и групп верующих, на которых избирались члены исполнительного комитета (для обществ от 20 человек) или отдельные представители (для групп верующих — менее 20 человек). Представители власти ставили свою подпись на документах общего собрания верующих. Такое положение давало возможность представителям органов власти вмешиваться во внутренний выбор общины, однако законодательно таких прав не закрепляло.

Новое положение старост со временем увеличило их влияние на внутри-приходские дела. Массовое закрытие храмов после 1929 г. и, как следствие, появление большого числа безместных священников, желавших поступить на действующие приходы, тоже вело к росту влияния исполнительного органа на приходе, и в первую очередь, церковного старосты. Так, на материале пермских архивно-следственных дел исследователь советской повседневности А. И. Казанков делает вывод о присутствии церковным старостам т. н. «синдроме кошки», при котором, как в известной поговорке, «собака держится за хозяина, а кошка — за дом». Церковные старосты этого периода, по мнению А. И. Казанкова, держались не за церковную общину и не за духовенство, а именно за церковное здание: священники могли меняться, а храм оставался¹². При этом «с попом допускались плутни и жульничество, за счет него не грех было поживиться; его фигура могла стать разменной монетой, если речь шла о закры-

¹¹ См., напр.: *Дестивель И., свящ.* Поместный Собор Российской Православной Церкви... С. 235.

¹² *Казанков А. И.* Время местное: хроники провинциальной повседневности: монография. Пермь, 2016. С. 105–107.

тии храма. А вот за сам храм “активные церковники” из местных готовы были сражаться до конца»¹³.

Массовый террор 1937–1938 гг. практически не затронул старост как группу. Их аресты в этот период хотя и происходили, однако не были массовыми и повсеместными, в отличие, например, от арестов представителей духовенства.

Таким образом, можно отметить, что до 1945 г. положение церковных старост регулировалось Приходским уставом, принятым на Поместном Соборе 1917–1918 гг. Однако в условиях увеличивающегося давления атеистического государства применение этого устава в жизни прихода не могло осуществляться в полной мере. Основные изменения положение старост претерпело после выхода в 1929 г. постановления ВЦИК «О религиозных объединениях». Последовавшее за этим массовое закрытие церквей привело к увеличению роли церковного старосты на оставшихся действующими приходах. Массовые репрессии Большого террора затронули старост в меньшей степени, чем клириков. Однако последовавшая за репрессиями новая волна закрытия храмов сократила группу старост до исторического минимума. После начала Великой Отечественной войны основную роль в открытии приходов стали играть активные прихожане, не боявшиеся гонений, движимые верой и не имевшие финансовой (или иной — кроме собственно религиозной) заинтересованности в возобновлении церковной жизни — религиозные пассионарии своего периода. Роль лиц, которые вели переговоры с властью в тот период, взяли на себя не старосты, а председатели приходских собраний.

Изменения в положении церковных старост после января 1945 г.

Согласно Положению об управлении Русской Православной Церкви, принятому в январе 1945 г. на Поместном Соборе, вопросы, связанные с управлением на приходе, сосредоточивались в руках настоятеля, приходского собрания («двадцатки»), церковного совета и ревизионной комиссии. При этом настоятель руководил жизнью церковной общины, а также возглавлял церковный совет. Духовенство, в отличие от института старост и других органов из мирян, в этот период не было выборным, а назначалось правящим архиереем. Благодаря этой реформе большинство вопросов управления приходом, включая финансовые и хозяйственные, передавались из ведения мирян в ведение настоятеля. Последний имел приходскую печать¹⁴. Церковный староста, согласно п. 40 Положения, состоял одним из четырех членов церковного совета, возглавлял который настоятель прихода: «Настоятель храма является по своей должно-

¹³ Казанков А. И. *Время местное: хроники провинциальной повседневности*. С. 110.

¹⁴ Молодов О. Б. *Православный приход: понятие и система управления в 1945–2000 гг.* (на материалах Европейского Севера) // *Новейшая история России*. 2016. № 3 (17). С. 121–137.

сти неперменным членом приходской общины и председателем исполнительного ее органа (церковного совета), который состоит из 4 членов: помимо настоятеля по должности, — из церковного старосты, его помощника и казначея (все трое избираются общим приходским собранием или — если приходская община организуется вновь — группой верующих, получающих в бесплатное пользование храм, из своей среды)»¹⁵. В их сферу деятельности входили вопросы содержания и ремонта храмовых зданий, учет и распоряжение денежными средствами и направление отчислений в епархию и Патриархию.

Для осуществления полновластного управления на приходе настоятель прибегал к подбору членов церковного совета и ревизионной комиссии из доверенных ему лиц. Но это, в силу ряда причин, ему удавалось не всегда. По мнению исследователя М. В. Каиля, в некоторых епархиях устойчивое положение старост регламентировалось запретом епископу со стороны уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви их смещать¹⁶. Взаимодействие настоятеля с членами приходского совета не всегда проходило гладко. Конфликты настоятеля с советом и ревизионной комиссией часто сопровождались доносами в епархию, в Патриархию, в местный исполком и уполномоченному.

В этот период одним из важных стабилизационных факторов в жизни прихода становилась личность настоятеля. Конфликтные ситуации, при недостатке личного авторитета настоятеля, могли приводить к его смене. Показателен случай такого конфликта в Никольском приходе г. Чимкента, который описывает уральский священник В. Рожков: «Отец Сергей, приняв приход, попытался оздоровить совет, но встретил яростное сопротивление; группа верховодов, чувствуя, что приходит конец их самовольству, перешла к травле нового настоятеля. Он, опасаясь стать жертвой их интриг, стал просить перевода на новое место. Просьбу его удовлетворили»¹⁷.

В иных случаях более опытный священник, встречая сопротивление своей деятельности, мог распустить «двадцатку» и отстранить старосту от управления церковными делами¹⁸. Для этого клирики даже обращались к уполномоченному.

¹⁵ Положение об управлении Русской Православной Церкви, принятое Поместным Собором Русской Православной Церкви 31 января 1945 года // Сайт «Древо». URL: <https://drevo-info.ru/articles/17773.html> (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁶ Каиль М. В. Российское православное духовенство и верующие: самосознание и вера в исторических реалиях 1914–1960-х гг. // Персональная история православия: судьбы церкви и верующих в новейшей истории России. Смоленск, 2021. С. 98.

¹⁷ Рожков В., прот. Записки священника // Сайт «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/fiction/zapiski-svyashhennika/> (дата обращения: 21.02.2023).

¹⁸ Кошкарлов А. Г. Государственное влияние на православную традицию в советском обществе 1940-х — 1980-х гг. (на примере юга Западной Сибири) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 11 (37), ч. II. С. 81–84.

В отчетах по Свердловской области за 1947 г. уполномоченный свидетельствует, что большинство вопросов, с которыми обращалось к нему духовенство, было связано с переизбранием исполнительных органов в связи с неспособностью отдельных старост к работе и присваиванием ими церковных сумм¹⁹.

Общение уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви с представителями исполнительных органов (старостой, его заместителем и казначеем) в тот период было минимальным. Это можно отследить из журнала посещений уполномоченного, который он приводил в своих отчетах. Так, во втором квартале 1947 г. из 82 посетителей было 25 представителей духовенства и всего 6 человек из исполнительных органов. С ходатайствами и просьбами к уполномоченному обращались по преимуществу рядовые миряне (36 человек).

Снижение социальной мобильности духовенства, ставшие более редкими переводы с прихода на приход, возрастание управленческой и финансово-экономической власти приводили к значительному увеличению авторитета настоятеля на приходе и закреплению роли выборного церковного старосты, как его помощника. Отчеты уполномоченного, документация, сохранившаяся в храмах, иллюстрируют, как правило, только одну сторону приходской жизни — конфликтные ситуации, в результате чего у исследователей может сложиться искаженное мнение о взаимоотношениях причта. В то же время мемуары и дневники духовенства демонстрируют и примеры противоположного рода: «В старосте Я. П. Шеремете я нашел единомышленника, болельщика за храм, за честное отношение к своим обязанностям. Как бывший железнодорожный мастер-путеец, он с полуслова понимал меня и одобрял мои требования; ему можно было поручить любое хозяйственное дело и быть уверенным, что он его выполнит только на “хорошо”»²⁰. Однако сотрудничество при этом могло быть направлено и в сторону корыстных интересов — так, «общине Орского Покровского молитвенного дома в 1956 году принадлежало 5 жилых домов, но из них только 2 были оформлены на общину; третий, самый лучший, был оформлен в личную собственность прежнего настоятеля о[тца] Михаила, четвертый — на его дочь Веру, а пятому так и не удалось установить юридического хозяина. Значительная часть облигаций госзаймов, приобретаемых церковью, хранилась на личных счетах бывшего старосты Овчинникова М. И.»²¹...

А. Г. Подмарицын приводит свидетельство Куйбышевского уполномоченного Совета по делам религий, что в 1950-е гг. в его практике были случаи, когда отдельные церковные советы оплачивали свою собственную подписку

¹⁹ Отчет уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Свердловской области за 1947 г. // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 203. Л. 18, 48.

²⁰ Рожков В., *прот.* Записки священника...

²¹ Там же.

на государственные займы за счет церковной кассы²². Исследователь, анализируя утверждения уполномоченного, говорит об извращении последним действительности. Однако на материалах приходов Оренбургской, Свердловской и Курганской епархий можно найти подтверждение подобным фактам. Так, в пос. Рябково (окраина Кургана) при проведении финансовой проверки выяснилось, что облигации по государственным займам, приобретенные приходом, хранились частным образом в доме у церковного старосты, которого впоследствии за ряд подобных махинаций убрали с должности²³. Храмы должны были в добровольно-принудительном порядке подписываться на государственные займы, выплаты по которым осуществлялись государством через длительный период времени. Одной из распространенных коррупционных схем, встреченной в храмах г. Орска и пос. Рябково, было хранение облигаций по займам старостами у себя дома, чтобы впоследствии (возможно даже после увольнения) пользоваться выплатами.

При рассмотрении примеров таких коррупционных схем стоит, однако, отметить, что они не были повсеместными. В большинстве приходов старосты служили на протяжении долгого времени, переизбираясь на собраниях «двадцатки», пользуясь авторитетом и уважением прихожан и духовенства. В иных приходах с момента их открытия и вплоть до 1980-х гг. не было ни одной жалобы на деятельность церковных старост.

Отличительными чертами периода с 1945 по 1961 гг. были, во-первых, свобода финансового обращения внутри прихода и, во-вторых, участие настоятеля в финансовой жизни прихода. Свободное обращение с деньгами настоятелем и церковным старостой могло приводить как к их личному обогащению, так и использоваться для пользы прихода — например к трате неучтенных денег по целевым для храма нуждам, какими могли быть наем работников или оплата премиальных «в конверте».

Восстановить черты социокультурного портрета группы церковных старост можно через массовые источники. В конце 1940-х гг. таким источником для приходов была «Регистрационная анкета для членов церковного совета и ревизионной комиссии».

Согласно Таблице 1, созданной на основе регистрационных анкет храмов Курганской области (и хранящихся в документах уполномоченного), можно отметить некоторые общие черты старост, служивших во вновь открытых храмах.

Из восьми человек только одна староста служила в церкви более 10 лет. У одной старосты стаж был 4 года, у другой — 2 года, остальные старосты работали в церкви менее года.

²² Подмарицын А. Г. Госзаймы как форма советских поборов с православных приходов и клириков в послевоенное время // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2 (4). С. 371–379.

²³ ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 20 (Регистрационное дело церкви пос. Рябково). Л. 39.

Таблица 1

Данные по церковным старостам храмов Курганской обл. за июль 1948 г.²⁴

Церковь	Петра и Павла, с. Куртамыш	Николаевская, с. Иткуль	Воскресенская, г. Шадринск	Никольская, с. Боровское	Симоновская, с. Колесниково	Казанская, с. Чимеево	Вознесенская, с. Костылево	Крестовозвиженская, с. Звериноголовское
ФИО	Фомичев Стефан Павлович	Патракова Татьяна Илларионовна	Пермякова Вера Васильевна	Грехова Евдокия Васильевна	Утюгова Марфа Константиновна	Пономарева Евгения Анисьевна	Разроков Арсений Северьянович	Ремизов Василий Давыдович
Лет	66	59	65	38	68	73	64	81
Национальность	русский	русская	русская	русская	русская	русская	русский	русский
Социальное происхождение	рабочий	крестьянка	дочь крестьянки, хлебопашество	из крестьян	из середняков	крестьянка	природные крестьяне	из семьи крестьянина-бедняка
Образование	не учился в школе, самообразование	малограмотная	3 класса земской школы	домашнее самообразование	нет	3 класса народной школы	не имеет	малограмотный, не обучался
Специальность	печник	колхозница	мед. сестра, инвалид 2 группы	сельское хозяйство, до-мохозяйка	крестьянка	просфорня	столяр	нет
Общий стаж и должности в церкви	7 мес.: член совета — 5 мес, староста — 2 мес.	13 лет (с 1935), пом. старосты — 8 лет	2 года	1 год, с мая 1947 по янв. 1948 г. по-мощником	4 года (с 1944)	3 мес.	6 мес.	7 мес.

²⁴ ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1. Л. 14; Д. 2. Л. 28; Д. 6. Л. 77; Д. 7. Л. 51; Д. 10. Л. 25; Д. 11. Л. 42; Д. 13. Л. 56; Д. 14. Л. 40 (регистрационные анкеты на членов церковного совета).

Служба в армии	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	инвалид 2 группы	
Лишение прав, судимость	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	
Награды	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	
Места работы	до 1942 г. печник, с 1947 в церкви	староста	до 1920 — монастырь, до 1939 медсестра, с 1940 — пенсия по инв.	почерк плохой	с 1916 г. командир взвода	с 1916 г. ко-мандир взвода с 1918 г. командир взвода	сторож 1933–1936 гг.				
Примечания	почерк правильный	почерк плохой	верх-теченская монахиня, почерк правильный	почерк плохой	почерк правильный	почерк плохой					

Отметим, что одним из важных изменений в результате деяний Поместного Собора 1917–1918 гг. стало то, что в должность церковного старосты было официально разрешено вступать женщинам, абсолютная и относительная численность которых с тех пор непрерывно увеличивалась. Еще в 1930-е гг. старост-мужчин на Урале было больше, чем старост-женщин²⁵, однако, согласно приведенной Таблице 1, к 1948 г. в Курганской области соотношение стало обратным (3:5). Известно, правда, что в действовавших в 1950-е гг. церквях в пос. Рябово (г. Курган) и в с. Усть-Миасском старостами были мужчины, только анкет по ним не сохранилось. Поэтому применительно именно к данному периоду нельзя говорить о приоритетности на этой должности лиц того или иного пола.

Средний возраст старост, судя по их анкетным данным, составлял 65 лет. Не пенсионного возраста была только староста с. Боровского — 38 лет, верхнюю границу возраста составлял 81 год, возраст остальных колебался от 59 до 73 лет.

Отметим, что для конца 1940-х гг. уровень образования среди церковных старост по сельским меркам нельзя было назвать низким. У четверти проанализированных в выборке лиц имелось начальное образование (земская или народная школа), при этом элементарной грамотности были обучены все, что видно из подписей в документах. При этом у половины старост из представленной выборки почерк был правильный и сформированный, что свидетельствует об относительно высоком уровне их грамотности.

Одним из характерных качеств церковных старост и членов управленческих органов на приходе было отсутствие среди них людей с судимостью. Отметим, что на собрании «двадцатки» в Богоявленской церкви с. Усть-Миасского от 20 декабря 1964 г., при утверждении новых членов «двадцатки» взамен выбывших, П. Г. Тетерину отказали в просьбе о принятии — по причине судимости²⁶. В с. Звериноголовском члены райисполкома специально указывали в своем письме уполномоченному, что «уполномоченные от группы верующих избирательных прав по суду не лишены»²⁷. Согласно анализу регистрационных анкет 1940-х гг., судимостей не было ни у одного старосты. Данная ситуация резко отличала церковных старост и членов причта, выборных от мирян, от приходского духовенства и епископата, большинство представителей которых в 1930-е–1940-е гг. прошло через ссылки, тюрьмы и лагеря. Однако государственных наград у старост при этом тоже не имелось. Возможно, для уполномоченных, следивших за составом членов исполнительных комитетов, наличие в составе членов актива людей с советскими наградами было столь же нежелательным, как и лиц с судимостью.

²⁵ Из 11 репрессированных на Урале в эти годы старост было 8 мужчин и 3 женщины. Подсчитано автором.

²⁶ Дмитриев А., *свящ.* Старосты Преображенского храма с. Усть-Миасского. Рукопись. С. 9–13.

²⁷ ГАКО. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 14 (Регистрационное дело на церковь в с. Звериноголовском). Л. 13–13 об.

Социальное происхождение старост было преимущественно из крестьян. Например, один из них был указан как печник, другая — из крестьян-середняков, еще один — из крестьян-бедняков и одна указала родом деятельность: хлебопашество. Все остальные предпочли ограничиться записью: из крестьян.

В 1940-е гг. еще сохранялась тенденция несения церковной службы бывшими послушницами и монахинями расформированных монастырей. Такой прецедент был в шадринской церкви, где певчие церковного хора и церковная староста были выходцами из Верх-Теченского женского монастыря, которые до 1930-х гг. несли свое служение в Преображенском соборе, при общине священника Николая Буткина (подробно описавшего ее в романе «Виноградари»), а в дальнейшем перешли в единственную оставшуюся действующей в городе кладбищенскую церковь.

Профессии церковных старост в миру были разнообразными: печник, столяр, медсестра, домохозяйка, колхозница, крестьяне, командир взвода (и в царской, и в красной армии), сторож. Одна из церковных старост в своей специальности написала: просфорня (без указания на продолжительность пребывания в этой должности). Можно сделать вывод, что все люди, поступавшие на должности церковных старост, были в большей или меньшей степени включены в советский социум. О своей нетрудоспособности в силу инвалидности (2 группы) свидетельствовали двое из восьми старост, при этом и они в свое время работали. По-видимому, в большинстве своем эти люди (кроме монахини и, возможно, бывшей просфорни) в 1920-е–1930-е гг. не подвергались лишению избирательных прав.

Объединяя даже весьма обрывочные сведения из представленных анкет и воспоминаний этого периода, можно сделать определенные выводы, что в 1940-е гг. старостами вновь открываемых храмов становились люди глубоко воцерковленные, имеющие богатый жизненный опыт и при этом лояльные к советской власти.

Финансовое содержание старост (как и в дореволюционный период) зависело от приходов. В сельских храмах с более низким доходом старосты могли не получать зарплату. Так, староста сельской усть-миасской церкви М. И. Плешков (избранный в 1948 г.) трудился для церкви безвозмездно. По воспоминаниям дочери, не испытывая крайней нужды в деньгах (имея собственное хозяйство и корову), он сам отказывался от принятия церковных средств: «Тяжело мы, конечно, жили, бедно очень. Тятя работал в церкви без зарплаты. Мама который раз его упрекнет, — хоть бы попросил какое жалованье. — Да с чего? Налог надо, батюшке маленько надо, дров купить надо, да и церковь как после бомбежки»²⁸. В дальнейшие годы, после приходской реформы, оплата деятельности старост тоже производилась далеко не во всех храмах Среднего Урала, о чем свиде-

²⁸ Воспоминание Анастасии Плешковой // *Дмитриев А., свящ.* Старосты Преображенского храма с. Усть-Миасского. Рукопись. С. 4. *Молодов О. Б.* Православный приход: понятие и система управления в 1945–2000 гг. (на материалах Европейского Севера)... С. 121–137.

тельствует в своем исследовании, посвященном материальному положению приходских работников, нижнетагильская исследовательница И. А. Маслова²⁹. В приходах, где жалование выплачивалось, оно было невысоким и существенно ниже, чем среднее жалование советских служащих в регионе.

При этом жалование старост, как неквалифицированных служащих, подпадало под ст. 5 указа от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» и составляло, как у советских работников, примерно 19 % от оклада. Отметим, что сумма окладов в сельских и городских храмах, имевших существенно разные доходы, была примерно одинаковой. Согласно исследованию И. А. Масловой, оклад старосты в сельском храме в с. Чермозском Пермского края и городском храме в Нижнем Тагиле был одинаковым и составлял к концу 1960-х гг. 80 руб.³⁰

Церковный староста мог выступать в роли посредника между гражданской и высшей церковной властью. Исследователь А. Г. Подмарицын приводит пример, когда председатель колхоза передал жалобу архиерею на священника, который отказывался подписываться на государственный заем. Связующим звеном между ними выступил именно церковный староста³¹.

При нарушениях законодательства со стороны местных представителей органов власти (представителей горкомов, райкомов, сельских советов) именно церковные старосты обращались с жалобами к уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви. В некоторых случаях (например при неправомерном обложении госзаймами, которые по закону должны были производиться добровольно) такие жалобы порой удовлетворялись. Одной из наиболее распространенных проблем для старост становилось незнание советского законодательства о культах. Но дело было не в необразованности старост, просто большинство правоприменительных документов не давалось для ознакомления верующим.

В отчетах уполномоченных конца 1940-х — начала 1950-х гг. приводится ряд примеров нарушения законодательства о культах, — когда по личным договоренностям водители автотехники использовали ее для помощи храму: привозили дрова и строительный материал, увозили мусор. Эти договоренности осуществлял, как правило, не священник, к которому рабочие относились настороженно, а церковный староста либо его помощник. Примеры таких случаев приводятся и в воспоминаниях современников: «Катит дед Кузьма (Кузьма Васильевич Казанцев) на велосипеде, а как завидит машину, велосипед свой на обочину кинет, сам руки растопырит и встанет посреди дороги. Не объедешь!

Недовольный шофер выглядывает из кабины:

²⁹ Маслова И. А. Материальное положение сотрудников православных приходов Среднего Урала в 1965–1988 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 10 (36), ч. I. С. 133–136.

³⁰ Там же. С. 135.

³¹ Подмарицын А. Г. Госзаймы как форма советских поборов с православных приходов и клириков в послевоенное время. С. 371–379.

Штрихи к социальному портрету церковных старост в советский период...

- Ты чего, дед?
- Дак дрова для церкви надо вывезти.
- Да ты чо, нам ведь туда нельзя, моментом с машины снимут.
- Дак ты тихонько, хоть ночью че ли. На-ко, вот!

Сунет шоферу деньги или бутылку — и шасть к велосипеду! А куда деваться? Ближе к ночи или пораньше утром привезет шофер в храм дров, а старухи-монашки моментом их стаскают и в поленницу сложат»³².

Наем работников для церкви в тот период был распространенным явлением. В основном нанимались квалифицированные специалисты (художники, писавшие иконы на заказ; электрики, шоферы и др.), которых по штату церковь содержать не могла, но периодически прибегала к их помощи в качестве неофициальных наемных работников. Поиск этих людей осуществлялся по преимуществу ответственным за хозяйственные работы в храме церковным старостой. Таким образом, будучи из местных, знакомый многим жителям староста выполнял коммуникативную функцию между настоятелем прихода и гражданским населением. Вознаграждение, которое выдавалось неофициальным наемным работникам, в этот период в больших приходах выплачивалось из церковной кассы без всякого оформления. В малых сельских приходах, при нехватке средств на хозяйственные нужды и уплату налогов, эти деньги брались из отдельных сборов с населения, которые тоже осуществлялись церковным старостой или штатным активом церкви: «Кузьма Васильевич иногда и по домам ходил, собирал по копеечке на церковные нужды. Ну, такой славный старичок – отказать невозможно!»³³.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. церковные старосты на Урале налаживали взаимодействие не только с низовыми работниками, но и с руководителями уральских заводов. Так, священник В. Рожков вспоминает, что с реставрацией куполов в магнитогорском приходе оказал помощь директор металлургического комбината Носов. Взаимодействие с органами местного самоуправления часто достигалось через личные знакомства старост: «Для церкви тогда было трудно, что достать. К счастью, у тяти в райисполкоме был свой человек, звали его Никита Павлович Дмитриев. Он, как мог, помогал. Когда приходил тятя, Никита Павлович не боялся принимать его у себя, даже угощал чаем. За это его вызвал первый секретарь»³⁴, — вспоминала дочь церковного старосты усть-миасского прихода Михаила Осиповича Плешкова — Анна.

³² Воспоминания Николая Степановича Лобарешных // *Дмитриев А., свящ.* Старосты Преображенского храма с. Усть-Миасского. Рукопись. С. 7.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 3.

Таким образом, изменение социокультурных характеристик группы церковных старост происходило в течение длительного времени. С 1929 г., вследствие введения нового законодательства «О религиозных объединениях» и массового закрытия приходов, роль выборных старост в действующих приходах стала постепенно возрастать. Принятие «Положения об управлении Русской Православной Церкви» 1945 г. документально закрепило роль старосты на приходе, как помощника настоятеля. Рост осознания старостой своей роли в приходской жизни в некоторых случаях способствовал возникновению конфликтов со священником. Третьейскими судьями в разрешении подобных ситуаций выступали представители местных органов власти, использовавшие подобные ситуации в антицерковных целях.

В 1940-е гг. в результате массового открытия приходов в число старост вошли представители церковного актива, становившиеся инициаторами открытия храма. Нередким для церковных старост в этот период было безвозмездное служение. На многих приходах старосты неоднократно переизбирались, состоя на этой должности (иногда с перерывами) по 10 и более лет. Одной из характерных черт этой социальной группы после 1945 г. стало постепенное увеличение среднего возраста и, как следствие этого, снижение социальной активности. Кроме того, постепенно увеличивалось число старост-женщин.

В 1940-е–1950-е гг. отличительной характеристикой для членов этой группы были отсутствие судимости и относительно лояльные отношения с представителями местной власти. Образовательный уровень церковных старост в тот период можно оценить как средний для жителей данной местности. Людей с высшим или средним образованием среди старост не было вообще, однако грамотностью в той или иной степени владели все. Социальный статус старост и членов церковных «двадцаток» отслеживался властями. Представители рабочего класса и крестьян в этой группе находились в меньшинстве. Подавляющее большинство старост было из пенсионеров и домохозяек. На некоторых приходах эта должность вообще не оплачивалась, а в остальных случаях размер заработной платы был примерно одинаковым, вне зависимости от того, шла речь о городском приходе или сельском. Рост церковных доходов, возможность получения неучтенных средств способствовали финансовым махинациям некоторых из представителей этой группы, совершавшимся при отсутствии контроля (или прямого попустительстве) священнослужителей и других членов церковного совета.

В результате принятия в 1961 г. изменений в «Положение об управлении Русской Православной Церкви» (в рамках так называемой «приходской реформы» 1961 г.) произошло окончательное формирование нового типа старост, которые перестали зависеть в своей деятельности от священника, буду-

Штрихи к социальному портрету церковных старост в советский период...

чи подконтрольными по факту лишь светскому законодательству о культах и представителям советской власти. Но данная тема должна быть признана заслуживающей отдельного рассмотрения.

Источники

1. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1, 2, 6, 7, 10–14, 20.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 203.
3. *Дмитриев А., свящ.* Старосты Преображенского храма с. Усть-Миасского. Рукопись.
4. Именной указ «Об определении священников при церквях на праздные места, о распределении к приходским церквям дворов и о небытии домовым церквям» // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5. № 3171. С. 545–546.
5. Инструкция церковным старостам (высочайше утвержденная 17 апреля 1808 года) и последовавшие с того времени законоположения, относящиеся к обязанностям их, с приложением положений о приходских попечительствах и церковных братствах / *сост. прот. И. Чижевский.* Харьков, 1883.
6. *Лесков Н. С.* Легенды. Легендарные характеры. Сказки и рассказы. Обозрения. М., 2010.
7. Положение об управлении Русской Православной Церкви, принятое Поместным Собором Русской Православной Церкви 31 января 1945 года // Сайт «Древо». URL: <https://drevo-info.ru/articles/17773.html> (дата обращения: 26.04.2023).
8. *Рожков В., прот.* Записки священника // Сайт «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/fiction/zapiski-svyashhennika/> (дата обращения: 21.02.2023).

Литература

1. *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: автореф. дисс. ... д. и. н. М., 2019.
2. *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: дисс. ... д. и. н. [Место защиты: Институт всеобщей истории Российской Академии наук]. М., 2019.
3. *Дестивель И., свящ.* Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М., 2008.
4. *Казанков А. И.* Время местное: хроники провинциальной повседневности. Пермь, 2016.
5. *Каиль М. В.* Российское православное духовенство и верующие: самосознание и вера в исторических реалиях 1914–1960-х гг. // Персональная история православия: судьбы Церкви и верующих в новейшей истории России. Смоленск, 2021. С. 57–106.
6. *Кошкарлов А. Г.* Государственное влияние на православную традицию в советском обществе 1940-х – 1980-х гг. (на примере юга Западной Сибири) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 11 (37): в 2 ч. Ч. II. С. 81–84.

7. *Лозинский Р. Р.* Пастырь на приходе (вопросы пастырской практики). 1934–1974: Ивангород-Тула. Ярославль, 2011.
8. *Маслова И. А.* Материальное положение сотрудников православных приходов Среднего Урала в 1965–1988 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 10 (36): в 2 ч. Ч. I. С. 133–136.
9. *Матвеева Е. С., Кузнецова Е. В.* Становление института церковных старост в иерархии Русской Православной Церкви (на материалах Орловской губернии XVIII — начала XX века) // История: факты и символы. 2021. № 2 (27). С. 127–136.
10. *Молодов О. Б.* Православный приход: понятие и система управления в 1945–2000 гг. (на материалах Европейского Севера) // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 121–137. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.308
11. *Подмарицын А. Г.* Госзаймы как форма советских поборов с православных приходов и клириков в послевоенное время // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2 (4). С. 371–379.
12. *Пулькин М. В.* Церковные старосты: круг забот и обязанностей в XVIII — начале XX вв. (по материалам Олонецкой епархии) // Studia Humanitatis. 2021. № 3. С. 1–20. DOI: 10.24412/2308-8079-2021-3-2. URL: <http://st-hum.ru/content/pulkin-mv-cerkovnye-starosty-krug-zabot-i-obyazannostey-v-xviii-nachale-hh-vv-po-materialam> (дата обращения: 28.04.2023).

Andrey V. Pecherin

TOUCHES TO THE SOCIAL PORTRAIT OF CHURCH ELDERS IN THE SOVIET PERIOD (1918–1961)

Abstract. The article examines the change in the sociocultural characteristics of the institution of church elders in the Urals during the Soviet time (from the first post-revolutionary years to the early 1960s). The author examines the origins of the church elders institution, the range of their responsibilities and describes a number of documents regulating their participation in the life of parish. The resolutions of the Local Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918, which shaped church practices, and the trends that formed the basis of the new parish structure are analyzed. The article considers in detail how the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On Religious Associations" (1929) and other contemporary regulations influenced church elders and their position in the parish.

It is noted that the persecution of the Church in the 1930s reduced the group of church elders to a historical minimum, but at the same time it did not affect the elders to the same extent as the clergy during the Great Terror of 1937–1938 in the Urals.

The improvement of state-confessional relations is analyzed on the basis of the Regulation "On the Administration of the Russian Orthodox Church" adopted in 1945, which defined the role of the church warden as an assistant of priest in the management of the parish.

The author gives a number of memoirs about the activities of church elders in the 1940s and 1950s (before the parish reform of 1961). Using a comprehensive analysis of sources — registration forms of church elders, memories of relatives and the clergy, the author has come to the conclusion that the number of church elders includes representatives of the parish activists. The article analyzes in detail the age of church elders and concludes that it is gradually increasing. A change in the gender characteristics of the group of elders is traced, which manifested itself in a gradual increase of women in this church position and their consolidation in most parishes. An analysis of complaints and conflict situations in parishes with the participation of elders is carried out on the basis of office documents of regional Commissioners for the Affairs of the Russian Orthodox Church.

Keywords: *Church in the Urals, church elder, Resolution “On Religious Associations” of 1929, “Regulations on the Administration of the Russian Orthodox Church” of 1945, sociocultural portrait, parish life*

For citation: Pecherin A. V. Shtrikhi k sotsial'nomu portretu tserkovnykh starost v sovetskii period (1918–1961 gg.) [Touches to the Social Portrait of Church Elders in the Soviet Period (1918–1961)] *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2024, no. 46, pp. 207–226. DOI: <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2024-46-207-226>

About the author: Pecherin Andrey Vladimirovich — PhD (History), Associate Professor of the Department of Church History and Philology of Ekaterinburg Theological Seminary, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1456-6905> (Russian Federation, Ekaterinburg).
E-mail: epds_arhiv@mail.ru

Submitted on 31 October, 2023

Accepted on 22 May, 2024

References

1. Beglov A. L. *Pravoslavnyi prikhod Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv.: sostoianie, diskussii, reformy* [Orthodox Parish of the Russian Empire at the Turn of the 19th–20th Centuries: Status, discussions, reforms]. PhD-thesis. Moscow, 2019.
2. Beglov A. L. *Pravoslavnyi prikhod Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv.: sostoianie, diskussii, reformy* [Orthodox Parish of the Russian Empire at the Turn of the 19th–20th Centuries: Status, discussions, reforms]. Doctoral dissertation. Moscow, 2019.
3. Destivelle H., sviashch. *Pomestnyi Sobor Rossiiskoi Pravoslavnoi Tserkvi 1917–1918 gg. i printsip sobornosti* [The Local Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918 and the Principle of Sobornost']. Moscow, 2008.
4. Kail' M. V. *Rossiiskoe pravoslavnoe dukhovenstvo i veruiushchie: samosoznanie i vera v istoricheskikh realiiakh 1914–1960-kh gg.* [Russian Orthodox Clergy and Believers: Self-Awareness and Faith in the Historical Realities of the 1914–1960's]. *Personal'naia istoriia pravoslaviia: sud'by Tserkvi i veruiushchikh v noveishei istorii Rossii* [Personal History of Orthodoxy: The Fate of the Church and Believers in the Modern History of Russia]. Moscow, 2021, pp. 57–106.

5. Kazankov A. I. *Vremia mestnoe: khroniki provintsial'noi povsednevnosti* [Local Time: Chronicles of Provincial Everyday Life]. Perm, 2016.
6. Koshkarov A. G. Gosudarstvennoe vliianie na pravoslavniuiu traditsiiu v sovetskom obshchestve 1940-kh–1980-kh gg. (na primere iuga Zapadnoi Sibiri) [State Influence on the Orthodox Tradition in Soviet Society from the 1940s to the 1980s (Using the Example of the South of Western Siberia)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. Tambov, 2013, no. 11 (37), pt. II, pp. 81–84.
7. Lozinskii R. R. *Pastyr' na prikhode (voprosy pastyrskoi praktiki). 1934–1974: Ivangorod-Tula* [Priest in the Parish (Issues of Pastoral Practice). 1934–1974: Ivangorod-Tula]. Yaroslavl, 2011.
8. Maslova I. A. Material'noe polozhenie sotrudnikov pravoslavnykh prikhodov Srednego Urala v 1965–1988 gg. [Financial Position of Orthodox Parishes Staff in Middle Ural Region during 1965–1988]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. Tambov, 2013, no. 10 (36), pt. I, pp. 133–136.
9. Matveeva E. S., Kuznetsova E. V. Stanovlenie instituta tserkovnykh starost v ierarkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (na materialakh Orlovskoi gubernii XVIII — nachala XX veka) [Formation of the Institute of Church Elders in the Hierarchy of the Russian Orthodox Church (On the materials of Orlov province 18th — beginning of 20th centuries)]. *Istoriia: fakty i simvoly — History: Facts and Symbols*, 2021, no. 2 (27), pp. 127–136.
10. Molodov O. B. Pravoslavnyi prikhod: poniatie i sistema upravleniia v 1945–2000 gg. (na materialakh Evropeiskogo Severa) [An Orthodox Parish: The Concept and Management System in 1945–2000 (A Case Study of the Russian North)]. *Noveishaia istoria Rossii — Modern History of Russia*, 2016, no. 3 (17), pp. 121–137. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.308
11. Podmaritsyn A. G. Goszaimy kak forma sovetskikh poborov s pravoslavnykh prikhodov i klirikov v poslevoennoe vremia [State Loans as a Form of Soviet Extortion from Orthodox Parishes and Clergy in the Post-War Period]. *Vestnik Orenburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Orenburg Theological Seminary*, 2015, issue 2 (4), pp. 371–379.
12. Pulkin M. V. Tserkovnye starosty: krug zabor i obiazannostei v XVIII — nachale XX vv. (po materialam Olonetskoi eparkhii) [Church Elders: Circle of Concerns and Responsibilities in the 18th — Early 20th Centuries (Based on the materials from the Olonets diocese)]. *Studia Humanitatis*, 2021, no. 3, pp. 1–20. DOI: 10.24412/2308-8079-2021-3-2. Available at: <http://sthum.ru/content/pulkin-mv-cerkovnye-starosty-krug-zabor-i-obiazannostey-v-xviii-nachale-hh-vv-po-materialam> (accessed: 28.04.2023).